

*Искусство
и действительность*

*Искусство
и действительность*

НИКОЛАЙ БЕРДЯЕВ
ТРАГЕДИЯ
И НОВОЕ БЫТИЕ

РИПОД
КЛАССИК

УДК 122/129
ББК 86.2
Б48

Составление и вступительная статья А. В. Маркова

Бердяев, Н. А.

Б48 Трагедия и новое бытие / Н. А. Бердяев ; [сост. и вступит. ст. А. В. Маркова]. — М. : РИПОЛ классик, 2018. — 320 с. — (Искусство и действительность).

ISBN 978-5-519-64946-9

Николай Бердяев переосмыслил искусство и красоту как аспекты нового бытия человека. В его философии творчество — самый надежный способ воссоздания достоинства всего человечества. Идеи Бердяева повлияли на культуру XX века, прежде всего, на творческое понимание будущего, свободное от былого узкого утопизма. В данном сборнике представлены самые яркие труды философа о смысле искусства как производства смысла и личного опыта.

Вступительная статья и составление настоящего сборника доктора филологических наук Александра Маркова.

**УДК 122/129
ББК 86.2**

ISBN 978-5-519-64946-9

© Марков А.В., составление,
вступительная статья,
комментарии, 2018
© Издание, оформление.
ООО Группа Компаний
«РИПОЛ классик», 2018

АЛЕКСАНДР МАРКОВ

БЫТ, БЫТИЕ И СВЕРХБЫТИЕ Н. БЕРДЯЕВА

Николай Александрович Бердяев — философ свободы, готовый приложить к себе даже ругательное «раб свободы»: он предпочитал разделить рабство с несчастными, чем просто кичиться раз достигнутым, — любая остановка на собственных достижениях была для Бердяева подобна смерти. Напротив, он всякий раз вновь пускался в бой, всякий раз начиная борьбу за истину и красоту, чтобы выиграть, правильно рассчитав начальное боевое действие и начальный речевой жест. Враги не могли ему простить ни изъяна дикции, ни безумной любви к собакам, ни французского лоска — а он и был французским дворянином по материнской линии, — ни аристократических крайностей, включая то отчаянный демократизм, то столь же отчаянный антидемократизм, ни его францисканской щедрости ко всем людям и ко всей природе, ни его умения работать достойно, стоя на страже построений

пусть не окончательных, но высказанных до конца. Для противников он был философом, несколько раз сменившим политическую позицию: марксист, демократ, консерватор, либерал, пацифист... но они не видели, что Бердяев ровно в той мере занимал каждую позицию, в какой она была щедрой и милостивой, но при этом суровой к смертным грехам. И сейчас иногда Бердяева порицают за то, что он свободно вводит в философию термины богословия, такие как «грех» и «спасение», «церковь» и «мир», «спасение» и «будущий век», — но на самом деле Бердяев просто понимает, что эти термины лучше всего описывают самые общие формы жизни, в которых жизнь не просто принимает некоторое состояние, но вполне состоялась.

Бердяев умел находить вдохновение в любых проявлениях жизни, в зеркалах и магических кристаллах искусства и даже в стремительных эмоциях: по собственному признанию, идея одной из книг пришла ему на ум в кинематографе, в мелькании ускоренных сцен на экране, выхваченных напряженным светом киномишени, — философу сразу стало понятно, как ловить мысль не только остроумными формулами, но и на скорости охотящегося размышления. Если можно выделить бердяевскую школу русской мысли, то к ней будут относиться такие глубокомысленные любители охо-

ты и спорта, как о. Александр Шмеман, обожавший бейсбол по телевизору.

О себе Бердяев достаточно рассказал в книге *Самопознание*, целью которой было не вскрыть факты биографии, как это обычно бывает в мемуарах, но показать, как именно факты становятся «готовыми», как они заставляют быть наготове, на страже. Родившись в семье кавалергарда в 1874 г. на широких берегах Киева (киевлянами были и его союзники по парадоксальной религиозной мысли — С. Булгаков и Л. Шестов), Бердяев готовил себя к офицерской карьере, но слишком рано постигли его щемящие ощущения тоски, заброшенности, одиночества. Обычные чувства казармы, от *Кадетского монастыря* Лескова до *Душевной смуты воспитанника Тёрлеса* Р. Музиля, у Бердяева были осложнены в его случае умением видеть за каждым ощущением что-то большее, чем ощущение: видеть проблему, уже вставшую перед всем человечеством. Он ушел из военной среды в университетскую. Благодаря семейному капиталу и отчасти гонорарам за лекции Бердяев позднее смог посвятить себя литературной работе: говоривший по-немецки и по-французски с детства, он осваивал быстро те вопросы, которые были поставлены в европейской культуре в эпоху Ренессанса или романтизма, такие как вопрос о достоинстве челове-

ка, о его речи и символах его бытия, о шансе и успехе человечности, о христоподобию как высшей форме становления личности.

Первые труды Бердяева, на рубеже веков, были посвящены проблематике, открытой русской демократической критикой: народу как проблеме философии — «народ — венец земного цвета», как напишет потом поэт. Философ выяснял, как возможен народ не только как субъект нравственного суждения, но и субъект творческого самоопределения, как субъект исканий и субъект прозрений. Затем, видя то, сколь революционное движение равнодушно к вопросам бытия и даже не может обосновать идеал равенства, которому так страстно служит, не может объяснить, как души могут быть равны в чистоте помыслов, а не в случайном распределении имущества, Бердяев перешел «от марксизма к идеализму». Иначе говоря, философ совершил умственный скачок от экономики народной жизни, скудных законов производственного бытия к политике народной жизни, извечно идеально предзаданной: нельзя построить непротиворечивый град земной, не думая хотя бы немного о граде небесном. В отличие от Павла Флоренского, сберегавшего антиномии как глубинные парадоксы бытия, Бердяев сразу мыслью и мечтой уносился к целям мысли — не к «непротиворечивому», такого в

бытию не бывает, но к цели, разглядеть которую уже значит закалить свою мысль противоречиями и полемиками. Бердяев был изощреннейшим полемистом: не из тех, для кого полемика заменяет еду и питье, как для русских революционных демократов, в споре забывавших про обед, — такая халтура была не для Бердяева, но из тех, кто может оседлать полемику в любой момент, как норовистого коня, уверенно и изящно чувствуя себя в крутом седле.

Бердяев между двух революций общается с лидерами новой литературы, с Мережковским и Гиппиус, Вячеславом Ивановым: символисты его привлекали как предтечи новой культуры, но он думал о культуре Духа, которую можно было бы обозначить жестом святой Терезы Малой, когда она в детстве «выбрала всё». С Блоком, правда, он общался мало и позднее вспоминал, как трудно ему было понять речь великого поэта — слишком быструю и мечтательную, для него соразмерную космосу с его взглядом на планету из синевы вечности. Евгения Герцык вспоминала, сколь много читал Бердяев, от средневековых мистиков до современных романов, и сразу делал острый вывод из каждой прочитанной книги, попала ли она в яблочко, которое и есть человек в его непосредственной данности. Бердяев отдал дань и умению Мережковского смотреть на развитие культуры не из современности, но, напро-

тив, из древности, и умению Вячеслава Иванова доброжелательно расспросить о культурных содержаниях всех эпох, даже с готовностью предстать на суд перед ангелами этих эпох, но сам всегда шел дальше. Философ умел смотреть на культуру как на способ самого человека заметить себя, поймать себя в сети мысли, но настолько вдохновенной мысли, что эта ловитва направлена чистым зрением Духа.

В творческих кругах русского модерна Бердяев познакомился с будущей женой Лидией, поэтессой, в молодости пламенной революционеркой, пошедшей в народ, но скоро разочаровавшейся в революционном движении и в первом браке. Лидия стала на всю жизнь верной помощницей философа: она не только вела хозяйство и переписку с издательствами, но и определяла духовный порядок жизни философа. Поэтически и мистически одаренная, она могла сделать каждый день подарком, поместив его в золотую рамку молитвы и поэзии. Накануне Первой мировой войны супруги совершили путешествие по Италии, несколько изменившее стиль мысли Бердяева: вместо былых контрастов отвлеченной и конкретной мысли — яркие замечания, делающие конкретной любую отвлеченность.

Религиозная философия формировалась при прямом участии Бердяева вокруг издательства «Путь». Образцом религиозного философа для